

«МЕРТВЫЕ ДЕНЬГИ НА СЛУЧАЙ ВОЙНЫ»

«Мобилизационная подготовка» — секретнейший термин! По всей стране застыли военные заводы-дублеры с несметными запасами дефицитного сырья, с неработающими станками, пустующими цехами. На случай войны. Миллиарды народных денег...

Слово "конверсия" мы постоянно слышим вот уже шесть лет. Мы уже поняли, что оборонка съедает много средств. Осознали, что конверсия — перевод ВПК на выпуск гражданской продукции — необходимо. И ждем сообщений хоть о каких-то успехах в этой сфере. Свой взгляд на проблему конверсии — у Виталия Васильевича ШЛЫКОВА, военного экономиста. Думается, его оценкам можно доверять: Виталий Васильевич много лет служил в Министерстве обороны, был руководителем управления в одном из его исследовательских центров — возглавлял ту закрытую организацию, которая исследовала, анализировала экономические аспекты военного комплекса. И убедился, что внутри военной системы его знания, его понимание проблем никому не нужны. Сейчас В.В.Шлыков — заместитель председателя Комитета обороны и безопасности РСФСР, недавно переименованного в Комитет по делам обороны РСФСР.

— Виталий Васильевич, что у нас сегодня происходит в области конверсии?

— Никаких концепций, никаких структур для ее проведения сегодня нет вообще. Создаются различные ассоциации, организации и фонды, в названии которых присутствует слово "конверсия", на самом же деле заинтересованные лишь в коммерции. Продолжается все та же говорильня.

А "наверху" отношение к этому вопросу все время меняется. Сперва утверждали, что конверсия решит вообще все наши проблемы. Потом — что решит некоторые. Сейчас сложилось представление, что конверсия обойдется нам значительно дороже, чем она может дать... И — все стало буксовать на месте. Все застыло, остановилось, не начавшись, все выжидают: авось проблема рассосется сама собой...

А ведь конверсия — это громадный резерв экономики, то, что позволит нам стремительно продвинуться по пути реформ, получить немедленную — почти немедленную отдачу.

Весь мировой опыт показывает, что конверсия должна проводиться быстро и решительно. Попытка директивной конверсии у нас провалилась, никакой другой программы не создано. Единственное, чего добились за годы словопрений — посеяли громадную неуверенность в завтрашнем дне у работников оборонки. Для многих это становится трагедией, на которой делают свою политическую игру определенные силы. Легко себе представить недовольство, даже отчаяние этой многомиллионной массы людей — рабочих высокой квалификации, преданных делу, которые оказываются как бы у разбитого корыта. А тут еще наша дурацкая система прописки, проблема жилья, никакой государственной службы, занимающейся переобучением кадров...

Американцы после второй мировой войны проблему конверсии решили за год-полтора. При огромных, фантастических масштабах военного производства.

Что они сделали? Они оборонные предприятия... просто закрыли. Не пытались делать на них какие-то потребительские товары, хотя после войны нужда в них у американцев была большая. Подсчеты показали, что для производства гражданской продукции их военные мощности неэффективны, переналадка обойдется дорого. А деньги там считать умеют. Предприятия эти попросту перестали существовать — и американская экономика не развалилась, никакого краха не произошло, массовой безработицы не наступило. Наоборот — начался экономический бум. Потому что был рынок. А он требовал быстрого насыщения дефицитной гражданской продукцией.

Говорить о трудностях конверсии в наших условиях огромного голода на все, дефицита во всем — несерьезно. У нас — идеальные условия для быстрой и радикальной конверсии

И нам не надо закрывать оборонные предприятия. Ведь основная часть оборонной

продукции сегодня — та, что считается продукцией двойного назначения. Но пока общество не поймет, как же на самом деле функционирует наш оборонный комплекс, пока не сделает это предметом таких же страстных обсуждений, как это происходит на пример, с вопросами собственности, — нам будет очень трудно сдвинуться с нулевой отметки.

Сейчас у всех есть уже интуитивное ощущение: на оборонку тратится много. А как много? И — где именно тратится?

Но пока общество не поймет, как же на самом деле функционирует оборонный комплекс, пока не сделает это предметом таких же страстных обсуждений, как это происходит, например, с вопросами собственности, — нам будет очень трудно сдвинуться с нулевой отметки. Сейчас у всех есть уже интуитивное ощущение: на оборонку тратится много. А как много? И — где именно тратится?

Есть дыры, настоящие пропасти, куда проваливаются колоссальные ресурсы. Но о них у нас не знает почти никто.

Сейчас я произнесу два слова, которые вам ни о чем не скажут. Понятие это сверхсекретное, просто произносить это словосочетание, открыто говорить о нем, скажем, в печати, всегда считалось невыносимым. **Мобилизационная подготовка...** Встречался ли вам когда-нибудь этот термин? Его боятся произносить до сих пор. Директора оборонки не отказались бы обсудить эту тему, но — нельзя, не принято. Что это такое? Если сказать кратко: резервные мощности на случай войны. Каждое министерство, каждое предприятие имеет так называемый мобилизационный план. Это — святыня. Тайна за семью печатями. Вот куда, в эти резервные мощности, уходит невероятное количество средств.

Как это объяснить наглядно? Представьте: по всей стране стоят безлюдные неработающие цеха, целые заводы. С прекрасным оборудованием, новейшими станками, технологическими линиями. На складах — запасы, громадное количество запасов, остродефицитного сырья, нужнейших материалов. Наша экономика бьется в тисках, задыхается от нехватки всего — новых мощностей, сырья, современных средств производства — а здесь, пожалуйста: все есть. И все эти мощности, гигантские в масштабах страны, простаивают, все омертвлено. Разрастается, пожирает колоссальные средства. Полностью мертвая зона. Которая очень быстро может заработать, почти сразу на нашу экономику. И те же директора оборонки, замечательные умные мужики, которые сейчас крутятся со

страшной силой, чтобы как-то поддержать свои производства, которых косят инфаркты, эти директора вздохнули бы с невыразимым облегчением, стали бы работать, на потребительский рынок. И надо отдать им эти мощности. А для начала надо, наконец, открыть обществу глаза на эту кричащую проблему.

В чем абсурдность нашей мобилизационной подготовки? Военные объясняют необходимость этой системы тем, что это — адекватный ответ на военные приготовления Запада. Будто и у них там существуют громадные резервные мощности, запасы оборудования, сырья, поддерживается излишек рабочей силы, хранятся какие-то секретные документы, чертежи, на основе которых в случае войны начнет производиться оружие.

Ничего, абсолютно ничего общего мобилизационная подготовка в Америке с нашей не имеет! Там на эти цели задействован минимум предприятий, к тому же предприятия эти — частные. И только те, кто добровольно согласился работать на эту сферу. И все документы по этой проблеме — открыты, любой гражданин может, если захочет, ознакомиться с ними. Мы вбухиваем в эти резервные мощности громадное количество средств, все это омертвляется, давит на экономику жутким прессом, а у американцев, при совсем иных суммах затрат, система эта гораздо эффективней. Я не собираюсь подрывать нашу военную готовность, я не пацифист, я — человек военный. Но, изучая проблему изнутри, я понял: мы не видим реальности, мы занимаемся выдумыванием ерунды, причем ерунды невероятной расточительной и неэффективной. И не надо вкладывать, как многие думают, какие-то невыносимые средства на перепрофилирование ВПК. Надо только радикальнейшим образом изменить наши взгляды на эту самую мобилизационную готовность, о которой у общества нулевое представление. И задействовать то, что сейчас бесполезно простаивает.

— Вы говорите Виталий Васильевич что все данные о мобилизационной подготовке у американцев открыты. Так что же мешает нашим военным увидеть эту систему? Никакой разведки не надо...

— Разведка, к сожалению, у нас всегда в большей части работала на идеологию. Они берут эти данные, вполне открытые, засекречивают их, перевирают, подстраиваясь под взгляды тех или иных военных руководителей. После чего "на базе данных разведки" в наши планы и бюджеты закладываются суммы и ресурсы. Монополия. Это — страшная штука. Монополия военных.

Я считаю: для того, чтобы выйти на современный уровень представлений об этом вопросе, нужно провести, по типу венских переговоров о сокращении обычных вооружений в Европе, международную конференцию по оценке мобилизационных потенциалов обеих сторон. Там выложить документы, соответствующие данные и цифры на этот счет. И сразу получить официальную открытую информацию.

А пока во всех наших переговорах этот вопрос игнорируется. Рассматривают только вопросы сокращения наличных вооружений. А это может использоваться (и скорее всего, используется Генштабом) для требования увеличить резервные мощности — чтобы компенсировать сокращения нашего вооружения. Не сомневаюсь, так это и происходит.

— Кто оплачивает нашу мобилизационную подготовку?

— У американцев средства на мобилизационные резервы — из бюджета Министерства обороны. Наши же военные выступают только в роли контролеров — следят, чтобы все было на "должном уровне". А платим за все это мы все, из собственного кармана. Деньги, которые идут на этот мобилизационный резерв, из государственного бюджета. Получается: все мы, все население страны, работаем в оборонке. Или на оборонку.

Мы обвиняем военных в том, что они много лет скрывали от нас реальные военные расходы. Называли сумму — 19 миллиардов рублей в год, потом — 70 миллиардов, сейчас — 96,6 миллиарда. И ударили в набат: вот, мол, как военные обманывают народ! Нет. Не будем в этом к ним несправедливыми. Они действительно считали, что это — реальные военные расходы. Потому что сами этих денег не платили. Все наше вооружение оплачивалось за счет государственного бюджета, а не за счет Министерства обороны. Сейчас, когда суммировали все затраты на закупки вооружений, военный бюджет резко вырос. Другое дело, что и сейчас его оценка далека от реальности. Из-за ценообразования. Наши цены вообще искажены, а в обороне — особенно. Если не углубляться в подробности, можно сказать кратко: цены, действующие в

оборонном секторе, нереальны. Потому что военное производство — мало того, что снабжается всем в первую очередь (а у нас все дефицитно) — оно субсидируется... То есть, сырье и материалы оборонка получает намного дешевле их стоимости. И все это — за счет нашей экономики, за счет нашего семейного бюджета

Как только за военную продукцию мы заставим платить Министерство обороны и введем реальные цены, мы без всяких решений сверху и громогласных деклараций прекратим производство устаревшей и зачастую ненужной военной техники. Минобороны начнет считать деньги. Пока же им все дается почти даром, и потому они постоянно требуют эту технику. Это — подарки военных от общества, которые потом уничтожаются на полигонах.

Словом, если всерьез проводить конверсию, надо иметь в виду эти основные моменты: перевод отношений Министерства обороны с промышленностью на договорную основу, проблемы финансирования оборонки, проблемы ценообразования. И включение в экономику громадного резерва: то, чем располагают военные в омертвленной сейчас зоне мобилизационной подготовки.

Сделаем скидку на нашу инертность, на глупости бюрократические и прочие, но если не через полтора-два, то года через три можно — при помощи оборонного сектора — выволочь экономику из той ямы, в которой она сейчас пребывает. Конечно, я несколько упрощаю схему, но в принципе схема конверсии не столь уж сложна, как некоторые хотели бы ее представить.

Ведь почему не пошли многие программы? Никто по-настоящему не учитывает в них возможностей оборонного комплекса. И Явлинский, и Абалкин, и Шаталин — говорили о реформах без учета военного сектора. То есть, какие-то странички о конверсии, об армии в этих программах есть. Но в самом общем виде. Просто, по роду своей деятельности, они не сталкиваются с военной экономикой, ее не знают. И потому не учитывают. А без учета этого любая экономическая программа бесплодна.

Вопросы задавала Е. БОЛДЫРЕВА